

Военный лагерь гарнизона раскинулся в десяти ли от Бамбукового города.

Стоявший на дозорной вышке часовой первым заметил двух всадников, летящих во весь опор. Прильнув к подзорной трубе, он разглядел секретаря Хуа, бок о бок с которым скакал неизвестный.

Спутник офицера кутался в глухой дорожный плащ, а капюшон и плотно намотанный шарф скрывали лицо так, что невозможно было разобрать черт. Одно было ясно наверняка — держался он в седле безупречно.

О лошадях и верховой езде Хуа Синьфэн, прозванный в войсках «летучим генералом», мог рассуждать сутками напролет, а в седле вытворял такое, что у новобранцев дух захватывало. Однако загадочный всадник не уступал ему ни на вершок: на узкой тропе, где едва умещались две лошади, он летел вровень с командиром, даже не думая отставать.

Часовой озадаченно почесал затылок.

«И откуда в наших краях взялся такой лихач? Что-то командующий о подобных мастерах не упоминал».

Пока дозорный размышлял, кони уже ворвались на территорию лагеря. Всадники осадили их у главного шатра и синхронно спешились.

— Ведите его сюда, — бросил на ходу секретарь Хуа и жестом пригласил гостя войти.

Едва полог опустился, отсекая шум лагеря, Хуа Синьфэн извлек из-за пазухи исписанные листы и протянул их своему укутанному с ног до головы спутнику.

— Вот, дядя-наставник. Это признания, которые вытянули из него за ночь, — вполголоса произнес он.

Ли Яо забрал бумаги.

— Вообще-то я теперь человек праздный, — проворчал он, — и привязался к тебе исключительно из...

«И из-за чего, собственно? — мысленно спросил себя Ли Яо. — Беспокоюсь, что степняки до сих пор лелеют свои коварные замыслы и сведут на нет труды десяти лет моей жизни? Вряд ли. Или дело в кольце из белого нефрита на шее мальчишки? Убедившись, что Цзинпин — действительно наследник герцога Синя, я почувствовал укол совести за то, что тогда не довел дело до конца, и теперь пытаюсь загладить вину? Тоже мимо».

Так и не найдя достойного оправдания, Ли Яо досадливо махнул рукой и решил не усложнять.

— От безделья, короче, — признался он, придвигая колченогий табурет.

Усевшись и вальяжно закинув ногу на ногу, он принялся бегло просматривать протокол допроса.

— Буду просто наблюдать. Делай с ним что хочешь, я вмешиваться не стану.

Бывают же такие люди: пока завалены работой по горло, грезят лишь о покое, но стоит им получить вожаделенную свободу, как уже через неделю они начинают изнывать от скуки и искать приключений на свою голову. Хуа Синьфэн давно раскусил характер своего дяди-наставника. Тот добровольно отказался от поста правого канцлера, уехал в глушь и полгода изводил несчастные лютики в саду, пока окончательно не перерос тесные рамки своего уединенного двора.

Понимающе усмехнувшись, секретарь Хуа устроился напротив.

Вскоре у входа слышались голоса, и в шатер грубо втокнули пленника. Извивавшийся в грязи и стянутый путами по рукам и ногам, он напоминал праздничный сверток-цзунцзы. Конвоир точным ударом под колени заставил бедолагу рухнуть на земляной пол. Тот, однако, сдаваться не желал: яростно сопя, он попытался подняться, демонстрируя остатки спеси.

Раздался резкий скрежет выхваченного из ножен клинка. Сталь коснулась горла пленника, и упрямец мгновенно притих, признавая поражение.

Этим «свертком» оказался тот самый скандалист из чайной, что накануне спорил со старым рассказчиком. Ночные пытки и допросы с пристрастием быстро лишили его твердости духа: он сознался, что служит лазутчиком народа Цзе. Мужчина только-только прибыл в Бамбуковый город и отправился в людное место, чтобы прощупать почву, как тут же попался с поличным.

Сейчас он исподлобья косился на допрашивающих, злобно щуря припухшие глаза.

Узнав в сидящем перед ним офицере вчерашнего посетителя чайной, лазутчик мгновенно сменил гнев на милость и залился фальшивыми слезами.

— Господин... Сжальтесь, разберитесь по справедливости! Ничтожный не признал в вас благородного мужа! Те бумаги... Меня заставили подписать их силой! На самом деле я обычный ханьский кочевник, выросший бок о бок с народом Цзе. Я шел мимо Бамбукового города в сторону Чуаньлина, клянусь! Больше ни слова глупого не скажу, только пощадите... молю, сохраните жизнь!

Он принялся иступленно биться лбом о землю.

Хуа Синьфэн смерил его холодным, угрожающим взглядом. На губах его играла жесткая усмешка.

— Обычный кочевник, говоришь? При задержании ты покалечил двоих моих гвардейцев. Слишком хорошая сноровка для простого смертного.

Секретарь поднялся со своего места, неторопливо подошел к лежащему ниц шпиону и грубо схватил его за правую руку. Подушечки пальцев покрывала толстая, заскорузлая кожа. Затем Хуа Синьфэн заставил его поднять голову и пристально всмотрелся в зрачки. Тот, кто годами натягивает тетиву лука, привыкает целиться одним глазом, из-за чего зрачки со временем приобретают едва заметную асимметрию. Перед ним был именно такой случай. Пленнику на вид едва ли исполнилось тридцать, и подобные деформации не могли возникнуть от обычной охоты — здесь требовалась суровая армейская муштра.

— Помимо изучения укреплений и мутения воды среди горожан, у тебя ведь было и другое, тайное поручение... — раздался негромкий голос.

Лазутчик вскинул голову. Говорил тот самый человек в плаще, что сидел поодаль. Он небрежно швырнул исписанные листы на стол и теперь разглядывал пленника, спрятав ладони в широкие рукава.

«И как это понимать? — мысленно фыркнул Хуа Синьфэн. — Сам ведь только что божился, что пальцем не пошевелит».

Секретарь подал знак страже, и те послушно вышли наружу.

— Вы ищете ребенка. Единственного сына покойного герцога Синя, верно? — ровным тоном спросил Ли Яо.

Эти слова пробили броню напускного упрямства лазутчика. Он оцепенел от ужаса. Охота велась в строжайшей тайне, об этом не должен был знать ни один чужак! Откуда этому человеку известна правда? В чистых, пронизательных глазах незнакомца плясали опасные искры. Шпион молчал, но искажившееся лицо выдало его с головой. Каждая черточка его лица кричала об одном: «Откуда?!»

Хуа Синьфэн тоже удивленно изогнул бровь, сгорая от любопытства.

— Тебя просто-напросто сдали, — усмехнулся Ли Яо. — Тот, с кем ты вчера встречался в чайной.

Пленник ошарашенно захлопал глазами, а затем его лицо перекосило от бешенства.

— Иншу!.. — процедил он сквозь зубы. — Ходили слухи, что этот паршивец годами

прикидывается девкой и нутро у него гнилое... Ради награды он решил пойти по головам и продал меня!

Теперь пришел черед удивляться самому Ли Яо. В памяти тут же всплыл образ прекрасной трактирщицы.

«Значит, мужчина...»

Хотя Иншу не отличался пышными формами, его нежная белоснежная кожа, отсутствие кадыка и хрупкие запястья не вызывали никаких подозрений. Но теперь, когда маски были сброшены, Ли Яо понял: и голос, и повадки Иншу действительно казались чересчур двусмысленными.

Не выдавая удивления, он перевел взгляд на своего племянника.

Хуа Синьфэн наклонился к его уху:

— По твоему совету мои люди вчера обыскали его комнату. Прямых улик не нашли, но если вспомнить о его истинном поле... Кое-чего там точно не хватало. Никаких следов женского быта.

Ли Яо непонимающе изогнул бровь. Видя, что дядя не улавливает суть, секретарь неловко кашлянул и понизил голос:

— В общем, ни намека на женское естество. Я слышал, в южных землях умельцы готовят особое зелье. Если поить им мальчиков с малых лет, они так и не превратятся в мужчин. До глубокой старости их голоса звучат мягко и нежно, кожа остается гладкой, как у ребенка, а мужская сила засыпает навсегда. На такие мерзости способны только ироды из Управления Тайного Механизма.

Чистокровные представители народа Цзе отличались хищным разрезом глаз и крупными, резко очерченными лицами — в толпе ханьцев их вычисляли в одно мгновение. Чтобы обойти это препятствие, вожди кочевников еще во времена затяжных войн на приграничных землях пошли на хитрость. Они основали тайное шпионское гнездо — Управление Тайного Механизма. Там собирали ханьских сирот, воспитывали их в слепой преданности и обучали шпионскому ремеслу. В бытность свою канцлером Ли Яо не раз пытался нащупать нити, ведущие к этой организации, но всякий раз они ускользали.

Шпион переводил ошарашенный взгляд с одного на другого. До него наконец дошло: у этих двоих не было никаких улик! Его просто развели, как последнего глупца! Но развели настолько искусно и точно, что оставалось лишь признать поражение. Тяжело вздохнув, он поник головой.

Ли Яо лишь насмешливо щурился, сохраняя молчание. Под этим ледяным, пронизывающим взглядом у шпиона мороз пошел по коже. Поняв, что отпираться бессмысленно, он хрипло выдавил:

— Да, я из Управления Тайного Механизма. Но мы — лишь послушные пешки. Выполняем то, что велят сверху. О дальнейших планах хозяев мне ничего не известно.

— Ты обмолвился, будто Иншу хотел присвоить себе твои заслуги, — вкрадчиво проговорил Ли Яо. — Расскажи, о какой награде речь? Может, я подсоблю тебе вернуть причитающееся?

Лазутчик угрюмо промолчал.

— Мальчишка, которого вы так отчаянно ищете... Тот самый наследник герцога. Вчера Иншу все-таки вышел на его след, верно? — продолжал допрос Ли Яо.

Лицо пленника исказила судорога животного страха. Он долго хватал ртом воздух, прежде чем выдавить:

— Да кто ты такой?.. Откуда тебе все это известно?!

Ли Яо медленным, неторопливым движением откинул капюшон, открывая взору шапку белоснежных волос. Затем стянул с лица маску, не спеша подошел к стоящему на коленях шпиону и присел перед ним на корточки. На его губах играла донельзя глумливая, язвительная усмешка.

— Попробуй угадать, — прошептал он.

Умение читать людей по лицам было главным хлебом любого лазутчика. Видя, как дерзко этот человек ведет себя в присутствии командующего гарнизоном, шпион сразу заподозрил в нем влиятельного столичного сановника, прибывшего тайно. Но память упорно молчала — ни в одной сводке не упоминался столь молодой вельможа с седыми, как лунь, волосами.

— Подскажу: вчера в чайной ты поминал меня недобрым словом.

Пленник наморщил лоб. Вчера он кости перемывал многим. Он судорожно перебирал в памяти вчерашний разговор, как вдруг его пронзила страшная догадка. Глаза шпиона расширились от ужаса.

«Ли Яо?! Жив?!»

Краска схлынула с его лица. Если этот человек открыл свое имя, значит... пощады не будет.

Заметив, что допрашиваемый все понял, Ли Яо хмыкнул:

— Пришлось внять твоим молитвам и восстать из мертвых ради спасения заблудших душ.

Договорив, он резко переменился в лице — на мгновение сквозь маску шутовства проглянула леденящая душу кровожадность.

Ли Яо легко поднялся. В то же мгновение сверкнула сталь, и горячая кровь брызнула на земляной пол шатра. Движением руки, лишенным малейших колебаний, он перерезал лазутчику горло. Тот рухнул навзничь, даже не успев закрыть остекленевшие глаза. Смерть была мгновенной.

По лезвию зажатого в руке кинжала тонкой струйкой стекала багровая влага. Ли Яо брезгливо встряхнул оружие, крутанул его на пальцах и привычным движением убрал в кожаные ножны, скрытые на левом предплечье.

— Эх, теряю хватку, — проворчал он.

Паутина недомолвок наконец распуталась. Хуа Синьфэн перевел взгляд на остывающее тело шпиона и спросил:

— Ты в последнее время только и делал, что увивался вокруг этого Иншу. Давно догадался, что он с двойным дном? Почему молчал?

Ли Яо вновь натянул капюшон, оставив открытыми лишь глаза.

— Прямых улик не было. К тому же вчера я именно ради этого и потащил тебя в чайную — собирался во всем признаться.

— И как же ты ее раскусил? — полюбопытствовал секретарь.

Если бы не подсказка дяди, он бы до сих пор считал Иншу очаровательной трактирщицей и ни за что не заподозрил бы в ней... в нем затаившегося врага.

— Раскинул умом, прикинул звезды, — Ли Яо картинно растопырил длинные пальцы, изображая гадателя.

Он развернулся, намереваясь уйти, но племянник грубо схватил его за плечо и дернул назад.

— Хватит паясничать. Говори серьезно.

— Полегче на поворотах! — Ли Яо едва удержал равновесие, раздраженно отмахнулся от его руки и принялся оправлять складки плаща. — Не хватай меня. Если из-за этого останешься бобылем, я в твоих бедах виноват не буду.

На самом деле поначалу Иншу действительно не давал ни единого повода для сомнений. Все изменилось в один неприметный вечер, когда Ли Яо случайно подсмотрел, как трактирщица, думая, что ее никто не видит, сотворила странное молитвенное знамение, обращаясь к небесам. Этот особый жест народ Цзе использовал при поклонении своему верховному божеству. Лишь благодаря многолетнему опыту борьбы с кочевниками Ли Яо мгновенно опознал языческий обряд. Не будь этих знаний, шпион до сих пор водил бы их за нос.

— Выходит, они рыщут в поисках наследника герцога и потому вышли на этого мальчишку? — нахмурился Хуа Синьфэн.

— Ты и сам искал его тайком долгие годы, но безуспешно, — отозвался Ли Яо. — Значит, малец либо давно погиб, либо все это время спасался бегством, путая следы...

Глаза Хуа Синьфэна расширились. Разрозненные кусочки головоломки, которые прежде казались бессвязными, теперь складывались в безупречную картину. Наследник покойного герцога годами скрывался от преследователей, ведя жизнь бродяги, а шли за ним по пятам именно представители народа Цзе.

Но почему? Зачем чужакам спустя столько лет столь упорно выслеживать сироту?

— Значит, вчера он прятался у тебя? — засыпал его вопросами Хуа Синьфэн, теряя самообладание. — Ты разглядел кольцо из белого нефрита на его шее? Он точно... точно сын А-Су? Как он выживал все эти годы? И зачем кочевникам тогда понадобилось убивать герцога Синя и... А-Су? Скажи мне правду, дядя! Это ведь дело рук палачей из Управления Тайного Механизма?!

От волнения он совсем потерял голову, выпалив все вопросы на одном дыхании. Ли Яо лишь загадочно прищурился. Вместо ответа он круто развернулся и устремился к выходу из шатра.

— Раз Иншу — вражеский шпион, он наверняка уже догадался, кто такой Цзинпин. Мне нужно срочно возвращаться в усадьбу. Собирай людей и скачи следом во весь опор!

Он резко отдернул полог и чуть не сшиб с ног молодого офицера, собиравшегося войти. Хуа Синьфэн сразу узнал в нем десятника, которому поручил слежку за прекрасным заговорщиком.

— Говори при нем! — крикнул секретарь, опережая доклад. — Что стряслось?

— Почти час назад Иншу свернул в глухие переулки и сумел оторваться от погони...

Ничтожные не справились с задачей...

Не дослушав оправданий, Ли Яо одним слитным движением взлетел в седло. Свистнула плеть, раздался короткий понукающий выкрик, и верный конь понесся обратно к загородной усадьбе.

Все утро у Цзинпина из головы не шла брошенная на прощание фраза этого чудака «Ли Будуй»: «Вернусь — скажу, где искать Ли Яо».

Однако время шло, а хозяин дома все не возвращался. Цзинпина нельзя было назвать книжным умником — читать он почти не умел, зато сполна познал суровую школу жизни во время скитаний. Он давно усвоил главное правило: не строй иллюзий, живи сегодняшним днем и крепко стой на ногах.

За ночь первая волна паники от известия о гибели Ли Яо улеглась. Подросток рассудил трезво: кем бы ни был этот загадочный господин Ли и какие бы потрясающие тайны он ни собирался поведать, жизнь на этом не останавливается.

Но оставался долг. «Ли Будуй» расплатился за него драгоценной жемчужиной — вещью явно баснословной стоимости. А долги нужно отдавать, это дело чести. Размышляя, где бы раздобыть денег, Цзинпин обошел всю усадьбу. Дяди Суня нигде не было видно. Тогда малец нацарапал короткую записку, пообещав вернуться до заката, и вышел за ворота.

Погода в эти дни капризничала, словно вздорная девица. Не успел юноша дойти до городских ворот, как небо заволокли свинцовые тучи и на землю упали первые тяжелые капли дождя.

Поняв, что прогулка не задалась, Цзинпин решил повернуть назад, как вдруг со стороны дороги донесся дробный гул шагов. Прижавшись к обочине, он оглянулся.

Из-за поворота вывернула толпа — десятка полтора крепких мужчин без роду и племени.

Заметив юношу, предводитель отряда резко затормозил и жестом приказал сообщникам остановиться. Смерив Цзинпина пристальным взглядом, он хищно осклабилсся и взмахнул рукой:

— Это он! Взять его!

«Какого дьявола?!»

Опешив от такой наглости, Цзинпин почувствовал, как к горлу подступает страх. Неужели это те самые люди, от которых велела держаться подальше покойная двоюродная бабушка?

Намерения у них явно были скверные.

«Нельзя бежать назад, к усадьбе! Нельзя подставлять дядю Суня и господина Ли!»

Не теряя ни мгновения, малец сиганул с дороги прямо в густые заросли дикой травы и припустил во весь дух. Если срезать путь по балкам и оврагам, до городских ворот рукой подать — а там стража, там они не посмеют сунуться!

<http://bllate.org/book/18368/1760211>